
В МИРЕ ПОЭЗИИ: НОВЫЕ СТИХИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

PERSONALIA

Игорь Лукьянов — автор десяти поэтических сборников. Печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъем», «Аврора». Член Союза писателей России. Неоднократно публиковался в «Приокских зорях».

ЖИЗНЬ

Как и другим —
Мне быть свой срок
На белом свете.
Я не философ,
Не пророк,
А лишь — свидетель.
Со многим в жизни
Знал родство.
И мне
Не в новость —
Ее размах и торжество,
Ее убогость.
Немало в ней
Не ставя в грош,
Дойду до края,
Ее родимый прах с подошв
Не отряхая...

ДЕД

Помню сумерки в окошке.
И хоть внуку спать пора,
Дед мой шпарит на гармошке:
Гони куры со двора.

На заводе пропадает.
Молчаливый, как гора.
Но, как здорово играет:
Гони куры со двора
Я пляшу под переборы.
Я стараюсь из всех сил
В такт попасть гармошке скорой,
Что дед сам и смастерил.
Дед умелец. Дед сиделец
При ежовских временах,
Что грустинкою осели
Навсегда в его глазах.
Это вам — не трубадуры,
Оркестранты — фраера.
Гони куры, гони куры
Гони куры со двора.

* * *

Высоцкий пел с есенинским надрывом.
Кричала «бис» лукавая толпа.
Его коням летящим над обрывом,
Где русский не один певец пропал.

За то, что он идет на ложь и прозу.
За то, что он угрюм, как зимний сквер —
Ему зачтется рано или поздно.
Его найдут Машук и Англетер...

* * *

Где стартуют ветра
на секретных каких полигонах?
Разогнавшись в громовый уходят,
сверкая, раскат.
И вздымаются к небу,
ревя, океанские волны.
И на берег лазурный
летит
за накатом накат.
И визжа, и крича
разбегаются в панике люди,
в час, когда
совершается этот
жестокий налет,
словно месть
за любовь
к аферистке продажной
валюте,
за предательство
Богом подаренных
суши и вод...

РУССКАЯ САГА

Себя в себе не одолеть.
Их споры сотрясали крышу.
Она кричала — ненавижу.
Но за него пошла б на смерть.
И это, зная всей душой,
Он всей душой ценить старался.
Он за нее на все б пошел,
Хоть никогда в любви не клялся.
Ее не стало. Став другим,
Без той любви, без той опеки,
Он на кладбищенской скамейке
Сидит подолгу недвижим.

ЧАСОВОЙ

Далеко эта ночь.
Этот дождь. Этот лес.
Там я молод.
В руках у меня — АКМ*.
Там мой пост номер пять.
И на шорох и треск
Я готов полыхнуть
Без особых проблем.
Это право
Давал мне
Армейский устав.
С этим правом
Я шел по маршруту
Сквозь тьму.
И бывает,—
Порой
От неправды устав,
Я завидую вдруг
Часовому тому.

ПЛЯЖ

У шумливой воскресной воды —
Иномарок крутые зады.
Пикники — шашлыки, балыки.
Разжиревшие в баб мужики.

КАПИТАН ГОРОХОВ

Прошлась чума Борисоглебском
Чуть больше трех веков назад.

* АКМ — автомат Калашникова модернизированный.

В ее огонь попали с треском
И городище, и посад.
Все меркло от предсмертных вздохов.
Давил людей повсюду мор.
Но прибыл капитан Горохов —
Его прислал Великий Петр.
На всех один Указ суровый:
За пограничье — ни ногой.
А коль не внял цареву слову —
Учили пулей и петлей.
И, карантинные заставы
Поставив твердо на пути,
Сей капитан чуму заставил
В конце концов — на нет сойти...
Среди воров и скоморохов
Русь нынче, честность не в чести.
Нам нужен капитан Горохов,
Чтоб эту сволочь извести.

* * *

Жег себя я своей рукою.
Был огонь то слабей, то сильней.
И летел над потухшей травой
Дым не сбывшейся славы моей.
И откуда, откуда он взялся
Бедный пес — ни кола, ни двора.
На огонь оголтело бросался,
Мои книжки спасал из костра.
Мои книжки — сберкнижки признаний,
Что стихами я выдохнуть смог.
Мои строки — от поздних до ранних —
Я писал из души — видит Бог...
И не зная о пище духовной —
Подвело у барбоса живот —
Словно кость, примостившись удобно,
Обгоревший он грыз переплет.

* * *

Годы детские,
послевоенной порой
вы отмечены
в улицах отчего края.
По утрам
шел народ
на гудок заводской.
Вечерами
гудела в подвале пивная.
А по праздникам —
свежие шторы в домах.

Над воротами — флаги
победные красные.
И росла страна силою
не на словах
в эти годы суровые,
годы прекрасные...

* * *

Внезапно и наверняка
Бьет ложь,
Как снайпер с чердака.
Я столько раз
К ней шел открыто.
Я столько раз
Был ею бит.
Какие
 к черту,
 там обиды —
Давно
 отвык я
От обид...

* * *

Закурю я,
Затянусь.
Словно пепел
С сигареты
Думы тяжкие стряхну
Со своей
Души
Поэта,
Посмотрю я в синь небес,
И на белую березку...
Что-то
В этом мире есть —
И чужой,
И свой он в доску...

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Борису Иванову

Из стаканов, словно из кресала,
В кровь вжигались искорки огня.
Ресторан вокзальный сотрясая,
Шли составы, за собой маня.
Молодые, чистые, как водка.
По крови горит ее огонь.
Я гляжу в окно глазами волка,
Жаждущего драки и погонь.

В мире дышат мартовские воды!
В мире — наши лучшие года!
Сотрясая ресторана своды,
За окном грохочут поезда...

* * *

Бабье лето. Вечер золотой.
В октябре — июльская погода.
Я с девчонкой и слегка бухой.
Завтра уезжаю на два года.

Мне — лишь двадцать. Все — в моих руках.
Все о чем мечтаю — совершится.
Совершится... Превратится в прах...
Чтоб когда-то снова повторится...

РОССИЯ

Виктору Белову

Костерок ли дымится,
Птица ль пробует петь —
Здесь дано нам родиться,
Здесь дано умереть.
Здесь, где кровные думой
Нам поля и леса.
Здесь, где дали угрюмы,
Но светлы небеса...

ПОЛЕТ

Высоко среди синей долины
За штурвалом — матерый пилот.
Реактивные дышат турбины
И по шлангам идет кислород.
По радарам следят за пилотом.
И с компунктом надежная связь,
Только знает пилот, что полетом
Управляет незримая власть.
И сейчас с ней душой и кабиной,
И стихией небесною слит,
Рвут простор роковые турбины.
Божий дух за полетом следит.

* * *

Мерз, как пес, на посту солдат.
И вблизи сквозь ночной мороз —
Банно-прачечный комбинат
В клубах пара, как паровоз.

Из фрамуг, из дверей, из труб
Шел наружу излишний зной.
Завернувшись в солдатский тулуп,
Грелся мыслями часовой.
Что не в поле он под луной.
Что вокруг фонари горят.
Что в сосульках, как будто весной,
Банно-прачечный комбинат...

ЮНОСТЬ

Красавиц первых
ноги стройные.
В ночи ревуший мотоцикл.
Стихи — до дрожи.
И особенно —
Есенина кабацкий цикл...

У ТЕЛЕВИЗОРА, 2005 ГОД

Когда кривляются паяцы.
И хохот публику трясет,
Я думаю — а есть ли Нация?
А есть ли на Руси Народ?..

* * *

Кто предаёт из-за «тельца» Россию,
То — не иуды, то — страшной иуд.
Иуда удавился на осине.
Они к своим осинам не идут.

КИРЗАЧИ

Забрали у солдата кирзачи —
Надежная военная обувка.
В них проходили там, где тягачи
Мололи грунт, распутицей набухшей.
Гремели под «Славянку» на плацу,
Чтоб было слышно этот гром в Нью-Йорке...
Иная обувь русским не к лицу.
Зачем им европейские опорки...

* * *

Из лет далеких городок
В лучах весенних — тих и розов.
Хрустел под каблуком ледок.
Светилась на заре береза.

Мы шли с отцом. Синели дали.
Шел дым из заводской трубы.
И где-то высоко витали
Предначертания судьбы.

ЧЕРТОВ ПАЛЕЦ

Я от гибели на волоске.
Черной птицей взлетит телеграмма.
Чертов палец блестит на песке
Экскаватором вырытой ямы.

Черным пальцем грозит мне песок,
Но беспечно стою под цистерной.
И пульсирует ровно висок —
Молодой я — и значит бессмертный.

В чертов миг рухнет крана стрела.
Ухнет рядом стальная машина.
Воля Божья беду отвела —
Знать вдали мать молилась за сына.

МОСКВА — СЕМИДЕСЯТЫЕ

По вечерам над ресторанами...
Александр Блок

Днем в ресторане пустом,
Красива и одинока,
Женщина за столом,
Как Незнакомка у Блока.

Изыскан ее костюм
В стиле высшего света.
Изыскан ее парфюм.
Изысканна сигарета.

Кого она, строгая, ждет?
Кто назовет ее громко?
Как сон,
Как над жизнью полет —
Вечная Незнакомка...

ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Бывший зэк
под гитару
пронзительно пел.
Электричка катила по свету.
О девчонке тужил,

О гражданке жалел.
Я не скоро
в свой город
приеду.
На перронах
мешали мы водку с вином.
И несли нас
 вагонные полки,
И горело в закате окно.
За окном
золотые
летели
проселки.
Скоро бить сапогом
мне в армейском строю
под сурово-старшинское:
левой!
И звенела струна
 как в заморском краю
Полюбила пажа королева.

* * *

Пропадет Небосвод —
в звездах
иль в синеве...
Хрястнет надвое все,
Что ты бережно нес.
И пойдешь ты,
пойдешь
по засохшей траве,
по замершей земле,
словно брошенный пес...

* * *

Карамазова я вновь
Мити с Груней
вспомнил бурю.
Эту русскую любовь
Огневую,
Горевую.
Этой ревности озноб —
Никуда от ней не деться,
Где горит в мученьях лоб,
Где горит в мученьях сердце.

ЛЕТО — 2010 Г.

«Пожарок» вой.
Обугленные сосны —
Вдоль автострады...

Словно утюги,
Накалены от бешеного солнца,
Автомшины
прут под матюги.

* * *

На утренней туманной зорьке,
Где розовый хоперский блеск,
Ударит щука вдоль осоки
И в берегах заглохнет плеск.

И каждый звук как будто лишний
Когда песок едва пригрет.
И где-то по соседству слышен
Плач ивы сквозь восходный свет.

Хрупки рыбацкие удачи —
Иметь улов иль не иметь...
Но рыба бьет... И это значит,
Что стоит зорьку посидеть.

* * *

Я не любил чиновной чвани
Их — строгих правил напоказ.
Меня тянуло к пьяни, рвани,
Где козь неправ — получишь в глаз.
Стояла жизнь большой загадкой.
И под угрюмый гул печей
Я пил «червивку» в кочегарках,
Пытаясь вникнуть в суть вещей.

* * *

День весенний. Он в ударе.
Весь охвачен синевою
Над сверканьем тротуаров,
Над оттаявшей золой,
Над грачиною оравой —
От весны хмельнее всех.
Над березой, крышей ржавой,
Снегом, что почти не снег.

* * *

Какие девочки рядками
В кинотеатре у стены
Вдали стояли перед нами,
В которых были влюблены.

Какие взгляды и улыбки
Они дарили нам тогда...

Кому-то, может, по ошибке
В те бескорыстные года.
Где по реке привычно льдины
Сплавлял апрель...
И снились нам
Галины, Тани, Светы, Нины —
Косноязычным пацанам...

ВРЕМЯ

Замру на миг
под грустный снег
под веток
грустное качанье.
И суетности всей поверх
услышу
торжество молчанья.
И вспомню молодость свою,
где тишина под снегопадом
была, как друг, со мною рядом
в родном или чужом краю
Она и в этот час со мной
такая ж...
Только я другой...

* * *

Чего ты кичишься,
Раб божий
И прах ты земной?
Ведь рано иль поздно
Закончишь
Последней слезою...
По мертвой щеке
Она скатится
Каплей живой,
Как голос души
Уходящей
Господней стезею...
Чего ты кичишься,
Просивший у Бога не раз
Последней пощады —
До воя,
До крика,
До стога.
Чего ты кичишься,
Дурак,
Караба-барабас.
На брата глядишь,
Как сатрап
С золоченого трона.

РОБЕСПЬЕР

Бредил он в пустом дворцовом зале.
Билось сердце птицей о стекло.
Билась площадь гневом притязаний
Сквозь окно, на нем срывая зло.

День и ночь стучали гильотины.
К ним своих приставил палачей.
И летели в черные корзины.
Головы пройдох и богачей.

Но живуче каиново племя...
В молотилке чрезвычайных мер
Тают силы и уходит время...
Это понимает Робеспьер.

РУССКАЯ ЛИРИКА

Русская лирика, ты — не словесность
В шумной столице и в тихой глуши,
Русская лирика, ты как небесность
Выдоха русской ковильной души.
Нет в тебе, родина, дольнего счастья.
Буря несет по дороге песок.
Русская лирика прет сквозь ненастье —
Пушкин, Есенин, Лермонтов, Блок...

Валентин Киреев
(г. Новомосковск)

PERSONALIA

Первое стихотворение было напечатано в 1966 году в районной газете «Ленинская правда». Занимаясь множеством самых разных дел, считал стихотворчество забавой (хотя уже печатался в самых разных периодических изданиях) до встречи в 1997 году с замечательным русским поэтом Николаем Константиновичем Старишиновым. Эта встреча и определила главное направление в жизни — поэзия. Эстафету по опеке поэта перенял у своего друга Старишинова прекрасный писатель и замечательный человек Глеб Иванович Панишин. В результате этого «шефства» в 1998 году Валентин Киреев стал профессиональным писателем. В этом же 1998 году он был избран руководителем Новомосковского литературного объединения и Новомосковской городской Школы молодого поэта. В это же время Валентин Киреев становится главным редактором издательства Инфра. В 2001 году организывает Богородицкое литературное объединение-клуб. Всеми этими объединениями продолжает руководить и поныне. За это время выпущено 10 номеров альманаха «НЛО», 8 номеров альманаха «БЛОК», более 150 авторских сборников поэтов и прозаиков из самых разных городов России.

Лауреат и дипломант нескольких Тульских областных конкурсов и фестивалей, автор 12 книг стихов, лауреат премии им. Ярослава Смелякова, отмечен многочисленными почетными грамотами администраций городов Тулы, Новомосковска, Богородицка, благодарностями Тульской областной Думы и министра культуры и массовых коммуникаций, почетной грамотой губернатора Тульской области В. Д. Дудки. Валентин Викторович — человек года города Новомосковска в 2001 году, награжден золотой медалью «Во имя жизни на земле» Международного благотворительного фонда «Добрые люди мира», является почетным гражданином Богородицкого района Тульской области.

ТИШЕ, ГОРОД

Переулки и улицы ночью тихи
И к рассвету совсем умолкают
Потому, что поэт сочиняет стихи,
Город спит и ему не мешает.

Даже малым шумам оправдания нет,
Даже кот замирает на крыше
Потому, что стихи сочиняет поэт,
Тише, город, пожалуйста, тише.

Тишина, будто тонкая льдинка, хрупка —
Не разбейте хрусталь вдохновенья...
На листок торопливо ложится строка,
И рождается стихотворенье.

МОЖЕТ БЫТЬ

Может быть, ничего бы и не было,
И звучали б слова невпопад,
Только плавился медью над вербами
И стекал к горизонту закат.

Ручейки шелестящими змеями
Торопились, сливаясь в ручьи,
Да над стихшими к ночи аллеями
Полусонно бубнили грачи.

И, как будто лишившийся голоса,
Я шептал непонятно о чем,
И твои темно-русые волосы
Мне в ладони стекали ручьем...

ИЗМЕЛЬЧАЛА ДЕРЕВНЯ...

Измельчала деревня. Дворы и усадьбы,
Как и речка, усохли в границах своих,
И крапивой, знакомый, зарос палисадник,
И народ деревенский усох и притих.

Стали реже дымки, стали мельче колодцы,
В клубе выбиты стекла и сорвана дверь...
Здесь остались лишь те, что устали бороться,
Те, чья жизнь состоит из утрат и потерь.

Но услужливо память подскажет: когда-то
Здесь весною всюду бушевали сады,
И девчонок межой провожали ребята,
И в колодцах умыться хватало воды...

Я разрухою страшной стою огорошен,
Я — и плоть, и душа этой самой земли,
Деревенский мужик, ни плохой, ни хороший,
Лишь из многих один, чьи сады отцвели.

Кто ответит за то, что дороги не стало
В этот, Богом забытый, брошенный край,
Пот дрожащей рукой вытираю устало
И бреду наугад по крапиве в сарай.

Паутина и смрад, и давнишняя плесень
Накопилась в углу на поленнице дров...
Этот старый сарай только мне интересен —
Здесь когда-то моя начиналась любовь...

ГОСТЬ ДОЛГОЖДАННЫЙ

Печка, табуретка у стола,
Паутина над пустой божницей...
Вновь меня дорога привела
В дом, где было суждено родиться.

Раздеваюсь, вешаю на гвоздь
Дождевик, исхлестанный дождями,
В этом доме долгожданный гость,
Но лишь только гость, а не хозяин.

Пыль смету, печурку растоплю —
Подобрела горница, как будто...
Господи, ну как же я люблю,
Это, пусть подобие, уюта!

Буду тихий вечер коротать
С лампой керосиновой вместе,
Как же в детстве я любил мечтать
В этом, самом добром в мире, месте.

И душа моя стремилась ввысь,
В небо, удивительно родное,
Здесь стихи и песни родились —
Лучшие, из сочиненных мною...

И чины, и званья — ерунда,
То, чем вряд ли стоит обольщаться —
Ведь куда важней, хоть иногда,
В дом, где верил в счастье, возвращаться.

АХ, КАК ЖЕ ТИХО...

Ах, как же тихо в деревенском доме...
Дверь распахнув, спустя десяток лет,
Я стопку книг кладу на подоконник
И ставлю чемодан на табурет.

Нет никого, кто и поныне дорог —
Кто в городах, кто кончил путь земной,
На сундуке одежды старой ворох,
Патрон с разбитой лампой надо мной.

Коричневый налет на дне стакана,
Рядок портретов в рамках на стене,
Из живности — три дохлых таракана
И мух засохших трупики в окне.

Стою, не в силах с памятью бороться,
Связь с давним прошлым бережно храня,
И, кажется, что снова соберется
Здесь, в этом доме, вся моя родня.

Пробьют часы торжественно и звонко —
И снова будут яблони цвести,
И голову подставит мне сестренка,
Чтоб я помог ей косы заплести...

В ДЕРЕВНЕ

Полынью пахнет и крапивой,
Над кручей мечутся стрижи...
Стою до одури счастливый
У подсыхающей межи.

Во всем видна моя работа —
В саду вот эта борозда,
Обильно политая потом
Вполне крестьянского труда.

С утра прополота картошка
И сено собрано в копну,
Уставший сяду у окошка
И козью ножку заверну.

Здесь у меня всего в достатке,
Что нужно телу и душе —
Огурчик и морковка с грядки,
К столу пригодные уже.

Все хорошо и все в порядке,
И поздним вечером в избе
Я напишу в своей тетрадке
Стихи о счастье — о себе...

ПОБИРУШКА

Обветшала старая избушка,
Покосилась черная труба,
На приступке —
Фроська-побирушка,
Божья вековечная раба...
Не дал Бог ни племени, ни роду,

Сызмала — неблагодарный труд,
Потому и ноги, как колоды,
И версты без скрипа не идут...

Солнышко за тучку закатилось,
Быть дождю — не выйти за порог.
Встала Фроська, Богу помолилась
И пошла в избу, не чуя ног.

Заварила чаю-зверобоя,
Хлебушка поела, запила
И легла, довольная собою,
А наутро тихо умерла...

Бабки по слезинке уронили
(Слезы пригодятся на потом!),
Фроську за селом похоронили
Под сосновым тесаным крестом.

Заросла могилка — и не сыщешь,
И села не сыщешь — пустота...
Начиналось сельское кладбище
С твоего, страдаллица, креста...

ПРОСТО, КАК ДЫШАТЬ...

Я выйду полем к неширокому ручью,
Когда-то в детстве, я считал его рекой,
Расправлю крылья за спиной и полечу,
Махнув сельчанам на прощание рукой.

И станут люди удивляться — полетел!
Смотрите, братцы, полетел ведь, не соврал!
А кто-то вспомнит, как в окошко подглядел,
Как я в сарае чудо-крылья собирал.

Как я, ночами запираясь на крючок,
Любовно перышко прилаживал к перу,
Как пел мне песни приبلудившийся сверчок,
Как пух летал и трепыхался на ветру.

Но что и как кричали люди — промолчу,
Теперь никто уже не мог мне помешать —
Я просто верил, что однажды полечу,
И оказалось — это просто, как дышать!

МУЖИК

В глухом заброшенном селе
Ты весь — в единственном числе,

Натруженное тулово
Костляво и сутулово.

По гололедице скользя,
В ухабах спотыкаешься...
Так жить, как ты живешь, нельзя,
А ты живешь... пытаешься...

Ни Богу свечка, ни... никто,
Из проезжающих в авто
По тракту бесконечному,
Тебя не зрит, сердечного.

С весны до осени в полях —
Где поглядеть на небушко!
Но и в столицах, и в Кремлях
Мясца хотят и хлебушка.

И генералы, и псари,
И девки развращенные
Жуют с зари и до зари
Тобой, мужик, возвращенное.

И благодать у них, и тишь,
Но утверждают многие,
Что только небо ты коптишь
И портишь экологию.

И каждый новый паразит,
Сияя рожей сытою,
С трибуны пальчиком грозит —
Мол, чмо ты неумытое.

Мол, неухожен и небрит —
Позорное явление.
И вид Европе твой претит
И Штатам... к сожалению...

И паразит, стряхнувши пот,
За обе щеки жрет и пьет...
А ты... паши, мужик, и сей —
Ведь ты же ПУП России всей!

ЮРОДИВЫЙ

По просторам истерзанной родины,
Где и радуга — серого цвета,
Бродит совесть страны — юродивый,
С беззащитной душой поэта.

Люблю февраль! Природы забытье
Прервется вдруг неловкою зевотой,
Как будто нежась, солнышко встает
И не спеша выходит на работу.

Темнеет на откосе колея,
Всю зиму задуваемая вьюгой,
И тает снег, и лужицы края
Расходятся все дальше друг от друга.

Еще не скоро побегут ручьи,
Но вот она — весна, не за горами,
И бестолково загалдят грачи,
Бранясь и разговаривая с нами.

И стрелами небесного огня
Вдруг полыхнет гроза в окошках зданий.
Как для кого — не знаю, для меня
Февраль — пора надежд и ожиданий.

АВТОШАРЖ

Себя жалею сам с собой,
Порой, наедине,
И как возвышенна любовь
К любимому — ко мне!

Как добр мой и покладист нрав,
Как полон я огня,
И как же мир вокруг неправ,
Не любящий меня.

Меня носить бы на руках
За мой лиричный стих,
Но мир стоит на дураках —
Обидно мне за них.

Как классно я стихи пишу —
Еще-то им чего?!
Но я-то... тоже не ношу
На ручках никого...

Владимир Резцов

(г. Тула)

ПРОГНОЗ НА БУДУЩЕЕ

1

В офисах не ужин, не обед:
Испарились «Селенг» и «Тибет».
Я купюрами когда-нибудь
своими зашуршу?
Вот об этом-то на вахте и спрошу.

2

А охранник справок не дает.
Он, зараза, в морду сразу бьет.
Не судите парня строго,
знать, планида такова:
Горцу русские в диковину слова.

3

Облапошен, на лице фингал,
Но остался, все же, жив, удрал.
Вопрошаю у прохожих:
«Где милиция, народ?
Говорят, она нас, вроде, бережет».

4

Только странно мент себя ведет:
Он меня под локоток берет
И — прямехонько
на *улицу разбитых фонарей*,
Чтобы отобрать последнее скорей.

5

Гражданин начальник!.. Беспредел!..
Я же не Басаев! Обалдел?!
Вроде матом не ругаюсь
и витрины не крушу...
У суда теперь защиты попрошу.

6

А судья сердит, как сто собак:
Для него простой учитель — враг.
Видно, *чьо-то честь* изрядно
кто-то чем-то *зарядил*.
Как я только сам в тюрьму не угодил!..

7

Что за жизнь пошла? Какой-то мрак!
Кто устроил этот вот бардак?
Денег нет, о справедливости
давно пора забыть...
Власть имущие! Нам быть или не быть?

8

Что же вы, грабители, козлы,
Мастера из нас вязать узлы!..
За «козлов» я вам отвечу...
Нет, не быдло!.. Не нахал!..
И Отечеством, как вы, не торговал!

9

Я прогноз на будущее дам:
Будет баня с девочками вам!
Головою вы ответите
за темные дела,
Пожалеете, что мама родила!

10

Твердо верю, утверждать берусь:
Нет, еще не вся спилася Русь!
Вашу роскошь, наши слезы
и дефолта клятый год, —
Все припомнит вам великий наш Народ!

Юрий Мизерницкий
(г. Москва)

Юрий Леонидович Мизерницкий родился в 1957 г. в Москве. Окончил 2-й Московский медицинский институт. Детский врач, пульмонолог, аллерголог. Автор 8 патентов и изобретений, более 800 научных работ, в том числе 4 книг. Член отечественных и зарубежных научных медицинских обществ и редакционных коллегий ряда профессиональных журналов. В течение многих лет увлекается литературным творчеством, которое совмещает с врачебной и научной деятельностью на посту руководителя отделения Московского научно-исследовательского института педиатрии и детской хирургии. Доктор медицинских наук, профессор.

ЗАКАТ

Закат багряно-огненный, раскинувшись
в полнеба,
Венчает солнца путь дневной,
Мне кажется порой в минуты эти —
Частичка бытия прощается со мной...
И грустно на душе... смертельно...
Воистину, не счесть земных красот,
Но понимаю я: на свете — все конечно,
И все, что есть — когда-нибудь пройдет.
Да, будет новый день, и снова встанет солнце,
Но и закат придет неотвратимо, как палач...
Входить на эшафот судьбы и трепетно,
и скорбно,
Я сердце об одном прошу свое —
не плачь!..

СЕРДЦЕ

Вдруг проснулось,
Встрепенулось,
Загорело
И запело,

Сладко ныло,

Волновалось,
Тосковало,
Трепыхалось...
После долго горевало,
И болело, и скучало,
А потом, слезой умыто,
Отболело... и — забыто!

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Как солнца и тепла душе хотелось!
Ждала весны, чтоб в рощах — соловьи!..
И истомленное, измученное тело
Жило надеждой счастья и любви...
И эти радости, казалось, так возможны,
Достичь их — лишь рукою шевельни,
Но как туман весенним днем погожим
Растает дымка вдруг, как улетают сны!..
Легко сказать — прощай,
Куда сложнее тому осуществиться.
Сквозь пряный утренний туман
Твой взгляд опять навязчиво мне снится...

РЫВОК В ИНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Вот жизни перевернута страница,
Я в новую вступаю ипостась.
Я знаю — прожитому не забытья,
За «смерть» души нисколько не боясь...
Нет, то не смерть, а лишь ее взросленье!..
И с прожитым не разрывая нить,
Рывок совсем в иное измеренье
Душа моя пытается свершить!..

ВЗРОСЛЕНИЕ ДУШИ

Бывает очень что-то нам в себе не нравится
И хочется в душе своей хоть что-то изменить.
Самодовольным циник лишь всегда останется,
И все лишь потому, что он душевный инвалид.

Известно, в жизни многое меняется...
Меняемся и мы с годами, вместе с тем
Мы идеальными себе лишь представляемся,
В реальной жизни все не так совсем...

И в беге этой жизни быстротечной

Так нужно нам огонь в Душе нести,
Не потеряться в круговерти вечной,
И Благодать тем самым обрести...

И мерой общей можно ли измерить
Той святости томления в груди,
Что помогает нам любить и верить
И жить с надеждой! Что там, впереди?..

Валерий Ксенофонов
(г. Тула)

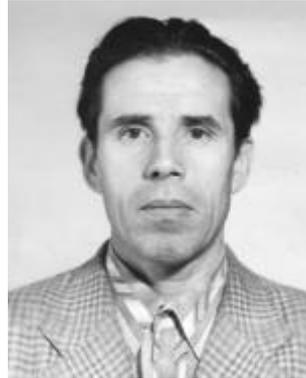

ВОЙНА МИРОВ

На теменах
 степных холмов
Дрожат ковыльные седины,
И в образах забытых снов
Всплывает древний поединок.
Здесь Лес и Степь
 сходились в бой —
Кровавый, длившийся столетья,
Людскую вековую боль
Хранит ковыль
 на склонах этих.
Вердикт истории суров —
Его
 народ в страданиях вынес:
Меча — межа меж двух миров,
Но путь ее весьма извилист.
И если снова степняки
Ворвутся в тишь погоней пыльной,
Сторóжи у Мечы́-реки
Не отдадут рубеж ковыльный.

Лев Соловьев
(г. Тула)

НАШ ПАРОВОЗ...

Круглый бак, труба с «размывом»,
Да двенадцать пар колес...
По-цыгански — «бочка с дымом»,
А по-русски — паровоз.

Много песен было новых
Про железного коня,
И про ту из остановок,
Что в коммуне ждет меня.

Круто вдруг судьба вильнула,
Работяга-паровоз
Дотащил нас до Кабула,
До коммуны не довез.

Не совсем был мирный поезд,
И молва нам говорит:
Тот запасный бронепоезд
Где-то все еще стоит.

И кому-то очень надо,
Чтоб с винтовкой вновь пройти
Знаменитые этапы
Всем известного пути.

Но исчезли паровозы,
И растаяли дымы.
Не стучат теперь колеса,
Лишь в музеях видим мы:

Круглый бак, трубу с «размывом»,
Да двенадцать пар колес...
По-цыгански — «бочку с дымом»,
А по-русски — паровоз.

ОНИ И МЫ

Они и мы пугали шар земной,
Когда бывал скандал международный.
Они грозили атомной войной,
Мы им, в отместку, бомбой водородной.

Они и мы должны были хитрить,
В военной мощи коль соревновались:
Союзников подачками кормить,
И делать из врагов друзей пытались.

Пусть между нами не было войны,
Обмен «любезностями» оставался в силе:
Мы самолет их сбили, а они
Нам атомную лодку утопили.

И пусть мы были вовсе не друзья,
«Подарками» обменивались рьяно:
Они нам — колорадского жука,
Мы им, в отместку, черных тараканов.

Но все осталось в прошлом, а сейчас
Они Арбат подошвами шлифуют.
А наши люди в этот самый час
На Брайтон-Бич уверенно торгуют.

Николай Титов
(г. Тула)

КРАСИВАЯ МЕЧА

Ты не широкая, не узкая,
Блестишь кольчугою в лучах,
Ты до последней капли — русская,
Моя Красивая Меча.
Бегут к тебе поля и рощи,
Шуршит, шатаясь, осока,
Рубашку алую полощет
В жемчужной заводи закат.
Бежишь, мечась, а вдалеке там
Тебя ждет Дон в оправе лоз,
И облака плывут букетом
Непостижимо белых роз.
Люблю тебя, покоя полной,
Когда задумчива, тиха,
И в час, когда гуляют волны,
Как у гармоники меха,
Когда мороз наложит панцирь
На воды зябкие твои
И солнце золотые пальцы
В твои кунает полыньи,
Когда под птичьи переклички
Ослепят вешние лучи
И заплетаются в косички,
Спеша со всех сторон, ручьи,
Когда туманом, словно ватой,
Укрылась — есть ты или нет,
Когда твой свет голубоватый
Не брезжит в белой пелене...
Светла в оправе трав и тала,
В серебристой проседи лозин,
Ты синей молнией упала
Между холмов, среди низин.
И каждый берег так наряжен,
И так извилист твой разбег.
Ты, словно ниточка из пряжи —
Страны, что соткана из рек.

России синяя частица,
Ты — моя гордость, моя боль.
Листаю волны, как страницы,
Старинной книги голубой.

НЕПРЯДВА

Вся в осоке, вся в иле и вряд ли
Тут отыщешь хоть рыбку одну.
Мать честная! Да я ж по Непрядве,
По великой Непрядве иду!

Тарахтят тракторишки за рощей,
То ли пашут, то ль что-то везут.
И зловещим цветным узорочьем
По реке проплывает мазут.

Под ракитою, ивой, лозиной
Не в зеркалье глядится ветла.
Всюду кладбище старой резины
И железок, сржавевших дотла.

Где на метр, где от силы на два —
Вот и вся у тебя ширина.
Что случилось с тобою, Непрядва,
И с тобою, родная страна?

Правят бал и корысть, и неправда,
Ложь заполнила все края.
Обмелела твоя Непрядва,
И душа обмелела твоя.

Верность отчим гробам и могилам
Стала в жизни такой не с руки.
Затянуло, загадило илом
Животворные родники.

В левый берег стучится сердечко,
И витает над берегом грусть.
Неужели с Непрядвою-речкой
Иссякает великая Русь?

Хоть и грустно, и горько, а рад бы
Побывать здесь когда-нибудь вновь,
Где струится вода Непрядвы,
Как из вены отворенной кровь.

В волнах бегают бледные блики
И беззвучный доносится стон.
Тяжек путь от времен великих

До постыднейших наших времен.
Речка чести и удали русской
Нынче мусор и грязь копит.
Неужели вот в это русло
Столько вдавлено было копыт?

Неужели по этим склонам
Проходили на смерть полки
И прощались с миром зеленым,
Отошед от сохи, мужики?

И в краю этом незнакомом,
Но однако родном краю,
Кто-то влагу черпал шеломом,
Пил, обливши кольчугу свою.

Неужели вот в этих водах
Солнце плавало, будто щит,
Серебрился шишак воеводы,
Пламенели князей плащи?

Неужели вот в эти дали
Пар пролившейся крови кадил?
Неужели когда-то вставали
Все за Родину, как один?

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ОМАР ХАЙЯМ

Жить на Востоке столько лет!!!
...И оставаться человеком...
Мудрец, ученый и поэт...
А гнусность созерцал со смехом!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Тот белый танец не забыл,
И твой румянец на щеках,
Еловый запах захмелил,
В объятья бросил нас в сенцах...

Потом был лес, луна и стог...
Мы расставались до утра...
Соединил нас вместе бог...
Но разлучила все ж судьба!

Мы разбежались навсегда...
Наверно, карта не легла!
Или разлучница судьба
Как и свела — так развела!

Ты где-то очень далеко,
Теперь уже в чужой стране...
Но позабыть мне нелегко
Тот белый танец по весне...

ИСПОВЕДЬ ГРЕШНИКА

Я в мыслях грешник... Кары не страшусь!
Повсюду грех раскрылся повсеместно...
Проклятьем кажется, что выглядит прелестно,
Прекрасным — то, чего всегда стыжусь...

В греховной бездне погибаем мы,
При этом получая наслажденья...
Продлись еще греховное мгновенье,
Смешение безумия и тьмы...

Пусть сольются жаркие тела
В бредной ностальгии вознесенья!
В минуту облегченья, просветленья
Мы выпьем чашу сладкого вина...

ПРОЩАЛЬНАЯ

Здравствуй, Родина, отчий мой край!
Здравствуй, Родина, да... и прощай!

Покидаю, обратно тебя покидаю...

Уезжаю на север, в тайгу,
К тишине, к холодам и в пургу...

Покидаю, обратно тебя покидаю...

Провожает девчонка опять,
Буду там я ее вспоминать...

Покидаю, обратно тебя покидаю...

Помню руки и губы твои,
И объятия те до зари...

Покидаю, обратно тебя покидаю...

Ждут меня и Сургут и Тайшет,
Ты дождешься меня или нет?

Покидаю, обратно тебя покидаю...

Не забуду твой взгляд и рассвет,
Обещанья и ласки в ответ...

Покидаю, обратно тебя покидаю...

Не спеши! Поезд дернется пусть!
Стук колес: «...я вернусь, ...не вернусь...»

Покидаю, обратно тебя покидаю...

* * *

Злой рок, судьба... Все в этой жизни есть...
Переплетаясь меж собой незримо...

Мы рождены и ляжем в землю здесь,
Где были преданы и были где гонимы,

Где нас любили женщины порой,
Где пережили подлость и утраты...
Где были не обласканы судьбой,
Где, несмотря на все, нам будут рады...

* * *

Живой украинский язык,
Особо — западный, гуцульский,
Звучит, как солнца нежный блик,
В своем созвучьи польско-русском,
Как голос горных ручейков,
Как Трусовца туман безбрежный...
Он — в песнях, льющихся с холмов,
Он — то напевный, то — мятежный...
Он в сердце искренних людей,
Что под врагами не прогнутся...
Тех наших братьев и друзей,
Что Русью Киевской зовутся...
А если кто-то из врагов
Решил поссорить брата с братом —
Им не поможет перст богов,
Наоборот — их ждет расплата!
Пусть ищут помощь за бугром,
И продаются с потрохами...
Не отдадим наш общий дом,
Который строили веками!

* * *

Разносится далеко
Тот колокольный звон,
Что то звучит высоко,
То затухает он...

С кладбищенской церквушки
Расплылся над землей,
Над ветхими крестами,
Где плиты и покой...

Мы все там тоже будем:
Кто позже, кто — быстрее...
Летят над храмом звуки,
Как тени от людей...

Игорь Нехамес
(г. Москва)

Академик Академии Российской литературы, Лауреат литературных премий имени А. А. Фадеева и имени К. М. Симонова. Лауреат литературной премии «Московский Парнас» за 2007 г. Кавалер орденов М. В. Ломоносова и В. В. Маяковского. Поэт и прозаик, известный публицист, член Союза писателей России. Автор шестнадцати книг стихов и прозы. В ноябре 2010 г. удостоен престижной творческой награды «Золотой диплом имени Ф. И. Тютчева». В 2011 г. выйдут два его поэтических сборника.

ДОВЕРИЕ ЖЕНЩИНЫ

Если женщина ждет,
значит, верность хранит,
в страсть с собой позовет,
притянув, как магнит.
Отдавая себя,
будит гордость и власть:
ни о чем не скорбя,
попотворствует власти.
Вдохновляя мужчину,
ничего не возьмет
и не скроет причины,
что он просто поймет:
в одиночестве жутком
так не хочется быть,
как в суденышке углом
далеко не уплыть.
Сердцем щедро вверяет
лад, пришедший во сне,
кто все это познает,
тот мужчина вдвойне!

СВЕТ ДОБРОТЫ

Я по жизни всегда попадаю в приманки.
Почему? Потому что доверчив и очень рисков.
И под звуки простой деревянной шарманки
размышляю над тем: отчего я таков?

Может быть, потому, что меня окружали
совестливые люди, живущие впрок,
И друг другу они каждодневно желали,
чтобы в их очагах не потух огонек.
Чтобы дети в здоровье и чести мужали,
чтоб соседи делились последним куском,
чтоб мужчины, здороваясь, руки бы жали,
споры все разрешая прямодушным кивком.
Как судьба б ни вертела, я знаю, что сдюжу,
потому что замес был заправлен добротным трудом.
И счастливое солнце лучами защиты окружит,
и укажет мне путь, по которому в свой приду дом!

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ДОРОГИ

Не спеши расставаться,
злясь на кочки пути:
Так легко потеряться
и себя не найти.
Станет сердце чужбиной,
где тоскливая стынь,
хваткою ястребиной
подло шепчет: «Отринь!
Поскорее отторгни
все, что трудно забыть!»,
если сердце не вздрогнет —
значит, так тому быть!
Но упрямая память
возвращает любовь
и теплом согревает
охладевшую кровь.
Разве кочки помеха,
если веришь и ждешь,
даже если уехал,
То обратно придешь...
Не стыдись возвращаться,
боль смывая слезой,
не страшись спотыкаться:
путь осветит грозой!

ЛЕТОПИСЕЦ

Быть летописцем — тяжкий крест,
зато весомее отвага:
в смешенье дат, имен и мест
поймут потомки верность Флагу.
Презрев мирскую суету
и неизведанность дорог,
в бумаге воплотить мечту,
в Историю добавить строк.

ЛОВЕЦ ВРЕМЕНИ

*Прекрасному мастеру светописи, моему товарищу
с университетских времен Александру Худасову*

След Времени заметит фотография,
Которая останется в веках,
И светом не исправишь орфографию
фигур и лиц на глянцевых листах.
След Времени запомнит фотография,
Которая бесценна, как вода,
Прожитых лет сложилась география
твоей Судьбы теперь уж навсегда.
След Времени оставит фотография,
Которая случайность сберегла,
История составит фильмографию
редчайших кадров счастья и тепла.
След Времени не может раствориться:
Зачем тогда мы верим и живем?
А фотография поможет утвердиться
в значительности судеб и времен!!!

АЗАРТ КАРТОЧНОГО ИГРОКА

Играя в карты, мы беседуем с Судьбой,
которая волнует и тревожит,
когда азарт доверчивости гложет
и никого нет выше над тобой.
Презрев ответственность и будней маету,
банкуем вдохновенно и бесстрашно,
колоду вновь тасуем бесшабашно,
стремясь поймать Удачу на лету!
Смешав листы всех четырех мастей,
замысливаем совместить два цвета,
но красно-черный рок нам мстит за это,
меняя звон монет на стук костей.
А прошептав заветных три числа,
немедленно Фортуна ускользает,
река желаний силу волн теряет,
не выгрести без верного весла.
Обвиснув, нашей страсти паруса
сторожко ждут игроцкого азарта,
когда придет загаданная карта
и станет светлой жизни полоса.
Любой игре сопутствует обман.
Ты это знаешь, но наивно веришь,
что за столом сегодня все изменишь
и тост поднимешь за прекрасных дам!
Четыре дамы — красно-черный фон:
тревога и печальная утрата,
но впопыхах наметана заплатка,
и снова ты поставишь все на кон.

Когда душа измотана игрой,
а в пальцах дрожь от страха поселилась,
но комбинация, начавшись раз, все длилась...
И верилось, что прикуп будет твой!
Когда тасуешь карты, то живешь
надеждой победить да отыграться,
и в миге сладостной удачи растворяться,
с которой вместе об руку идешь.

РАТНИКИ РУСИ

Он был русский солдат,
потому что погиб за Россию.
Ну и пусть, что лицом смугловат,
мы его защитить попросили.
Попросила река,
где он в детстве часами плескался.
Попросили века,
где дух предков навечно остался.
Попросили дубы,
от которых напитан был силой,
стон беззвучной мольбы
от любимой — доверчивой, милой.
Он пошел защищать
из Сибири, с Урала, с Кубани,
всех имен не назвать:
и Петры, и Богданы, и Вани,
Салаваты, Тенгизы, Абрамы,
Магомеды, Рашиды, Кирсаны,
Константэны, Олеги, Байрамы —
разных вер и родов, тейпов, станов...
Он вернуться мечтал:
там его ждут по пору по сию.
Он позор не застал,
потому что в разоре Россия.
Сто народов Руси
делят землю, историю, флаги,
а друзей поносить —
будто плеск самогона в баклаге.
Зарастает погост
не травой, а бесстыдным забвеньем.
Встань, солдат, в полный рост —
отврати от лукавого рвеня!
Память, гордость и стыд —
эти вехи наш путь выправляют,
вспомним всех, кто забыт,
навсегда землю нам оставляя.
Переключка имен —
для живых *честь* бойцам поклониться,
будь достоин времен,
что Руси помогли сохраниться.

Виктор Харлашкин*
(г. Тула)

ГЕНЕРАЛ

Ах, генерал, Вы смотрите на «пять»
От галифе до орденской колодки.
И Вам ужасно хочется принять
Парад Победы, или просто водки.

Да Вам любая ноша — по плечу,
И все же почему-то мне неймется:
Назвать Вас господином — не хочу,
Товарищем — язык не повернется.

Товарищей отнял у Вас Афган,
Последних — в Белом Доме добивали,
Но Вы в судьбой поставленный капкан
Своей мохнатой лапой не попали.

Да и сейчас Вы снова «на коне»,
Вас по ночам не ранят острым словом
Мальчишки, смерть нашедшие в Чечне,
Под Вашим руководством бестолковым.

Вы цвет знамен сменили, генерал,
Но в этом буйстве многоцветья красок
Не Жуков с Вами под знамена встал,
Не Рокоссовский, разве только Власов.

Твердите о Российском Вы пути,
Но если веришь в чистоту традиций,
Сто раз могли б в отставку Вы уйти,
Или, по крайней мере, застрелиться.

Но Вас такой не радует финал —
Долг, честь и совесть — детские игрушки,
Коль Вами Ваша служба, генерал,
Превращена в обычную кормушку.

* Наш постоянный автор.

Когда пришел черед лихих годин,
Над Родиною снова дым пожарищ,
Вы для меня, увы, не господин,
И уж никак, поверьте, не товарищ.

МАРШ-БРОСОК

Нас до конца еще не истребили,
Но недругам есть повод ликовать:
В разграбленной, распроданной России
Себя не смеем русскими назвать.

Внушают нам от имени закона:
Забуть заветы дедов и отцов!
Нас придавила «пятая колонна»
Из русскоговорящих подлецов.

И вот одна — всего одна отрада —
Стал светлой явью долгожданный сон,
Когда прошел по мостовым Белграда
Десантников российских батальон.

Тот марш-бросок отчаянно-гусарский
Дал нам увидеть через кинескоп,
Как цвет меняет нос американский,
И прошибает пот британский лоб.

И тетивой внатяг звенели нервы:
Сошел с экранов сорок пятый год,
А слезы на глазах счастливых сербов
Мы дружно принимали на свой счет.

И в этот миг, от чувств забытых млея,
Прочь гнали мысль, знакомую всем нам,
Что вновь сдадут правители-пигмеи
Защитников Отечества врагам.

Всерьез не смея с господином драться,
Всю силу холуи вложили в звон,
И, наконец, сумели сторговаться,
На кон поставив дерзкий батальон.

Все на круги привычные вернулось —
Нам указали место — у двери,
Но в душах многих что-то встрепенулось
И застучало молотом внутри.

Какую веру кто из нас не примет —
Теперь лишь слабоумный не поймет:
С колен Россию Армия поднимет.
Поднимет и прикроет и спасет.

Пока мы под пятой заокеанской,
Бог знает, сколь продлится то «пока»,
И все-равно, за «марш-бросок балканский»
Спасибо вам, десантные войска.

МЕРТВЫЙ И ЖИВЫЕ

Не травите меня, не травите,
Я не лучше, не хуже, чем все,
Изменил мне мой ангел-хранитель,
На другого коня пересел.

Он оставил меня на дороге,
По которой все вместе мы шли,
На которой забыли мы многих,
Растоптав их в грязи да пыли.

Так что кару Господь мне назначил
За безжалостность к тем, кто упал,
И не мог поступить он иначе —
Я ж старательней всех их топтал.

И советовал вам, бывшим в деле,
Как с носка перейти на каблук,
Так, чтоб ребра упавших хрустели,
Как хрустит под подошвою сук.

Вы охотно советам внимали
И спешили приказ выполнять,
И меня на весь мир прославляли,
И любили сильнее, чем мать.

Вы же сами мне долго внушали,
Что безгрешен и прав я во всем,
Даже те, кого дружно топтали,
Породнить меня тщились с Христом.

Может, был я неправ, полагая,
Будто вас к светлой жизни веду,
От невзгод и врагов ограждая,
За кормой оставляя нужду.

Пропустив через сито лишений,
Я с тропинки привел на большак
И оставил вас, полных сомнений:
Что же делать, а главное — как.

И хоть путь ваш стал много ровнее,
Под ногами потверже покров,
Зашагав по дороге смелее,
Наломали вы все-таки дров.

И костер разведя из поленьев,
В нем сжигая мой пышный наряд,
Заодно вы спалили стремленья
К одоленью препятствий, преград.

Разомлели, насытившись малость.
Очень вкусен был первый кусок.
Ну, а то, что на завтра осталось.
Захмелев, побросали в песок.

А наутро без крова и пищи,
Не найдя чудотворный родник,
Превратившись в беспомощных нищих,
Забрели вы в глубокий тупик.

Нет дороги назад, темный лес там,
А вперед слишком долго идти,
Да, к тому же, еще неизвестно,
С чем столкнешься на этом пути.

Кто виновен, на ком отыграться?
Было б легче всем крест свой нести.
И тогда кто-то крикнул: «Эх, братцы!
Где б «козла отпущенья» найти?»

Есть такой, хоть давно он в могиле,
Но ведь шанс упускать свой нельзя.
За грехи, за чужие, мои ли,
Вы обрушили гнев на меня.

На Руси мертвым часто вменяют:
Кому — святость, кому-то — вину.
Иногда их местами меняют,
Экс-святым объявляя войну.

Не ответит покойник ударом.
Раз молчит он, так, зная, нечем крыть.
Его любят живые не даром,
Благо, есть на кого все свалить.

От меня открестились вы скоро,
Торопясь раньше всех преуспеть,
Оградить свою совесть забором,
Осужденья одежды надеть.

Даже тот, кто был левых левее.
На другом нынче фланге идет,
Об ушедшем в душе сожалея.
Громче всех призывает: «Вперед!»

Так и быть, на себя все приму я,
Мне один лишь Всевышний судья,
Но задам вам вопрос напрямую:
Чем же вы лучше, нежели я?

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

ТАШКЕНТСКИЙ ПЛЕННИК
(поэма — быль)

Лебедев Сергей Александрович. Живу и работаю в городе Тольятти. Самиздатом выпустил три сборника стихов: «Что измерит года»; «Послевкусие»; «Лесная дорога». Публиковался в журналах «Предупреждение» в 2008, 2010 годах, «Книжный клуб» в 2009, 2010 годах, в сетевых альманахах «Великороссь», «Литературная Губерния», тольяттинских газетах.

В июле 2009 года во время речного путешествия по Волге и Оке встретился с удивительным человеком — иеромонахом Митрофаном. В миру Юрченко Валерий Николаевич. Он бывший генерал, хотя бывших военных не бывает. Они всегда готовы на защиту Родины. Иеромонах Митрофан рассказал, как пришел к своему монашеству. Он воевал почти во всех «горячих точках». От Афганистана до Чечни. Был в плену, не единожды ранен. На теплоходе в один из вечеров я читал свои стихи, так и познакомились. На память я подарил иеромонаху Митрофану сборник стихов. Живет Юрченко В. Н. в городе Самаре. Под впечатлением его рассказов мной написана маленькая поэма-быль.

*Иеромонаху Митрофану
(Юрченко В. Н.)*

Ночь, окутав палубу прохладой,
Волгу серебрами одарив,
Нам от зноя принесла отраду,
И минора трепетный мотив.
День затих с делами до отказа:
За причалом — белый городок,
И к себе расположил он сразу,
Лег зеленым бархатом у ног.
Я сидел на палубе с биноклем,
Правый берег в западе истек.
Крики чаек в тишине замолкли,
Лес у Волги теменью промок.
Чувствую тепло чужого взгляда,
Искрами веселыми в упор,
Да и что в контакте еще надо?
И легко начался разговор.
Мы вели беседу, и неспешно
Он сказал о сборнике стихов,
О себе промолвился. Конечно,

О военной службе пару слов.
Нам волна картаво прошептала,
Слушая весь тихий разговор.
Я запомнил повесть генерала,
И в душе оставил до сих пор.
.....

«Нам свободы дали до отвала:
Из Ташкента хочется домой.
А тогда я не был генералом,
Но понюхал пороха с лихвой.
Стали собираться мы в Россию
Ведь служили, будто на весу.
За узбекский как-то попросили
Съездить в старый город на Чор-Су*.
На Чор-Су съезжаются дехкане,
Здесь товары славит вилоят**.
Пряности по воздуху летают,
Дыни мирзачульские*** маня́т.
Травы на прилавках не пучками:
Ворохом зеленые лежат.
Все это приправлено словами,
Как шафраном плов или салат.
Добрые слова — всему свобода,
И торгуясь, говоришь с родным,
Или просто покупаешь сходу,
Пробуя самсу, манты, нарын****.
Но внезапно ощутил спиной
Я укол от острого ножа,
Трое окружив, стоят со мною:
«Жизнь твоя не стоит и гроша!».
Молча, по толпе меня в машину,
Темную повязку на глаза,
Сходу визгом по дороге шины,
Жизнь моя спустила тормоза.
Что же надо, я пока не знаю.
Выкупа им вовсе не иметь.
Только бы афганцам не продали,
Это для меня, конечно, смерть.
Мы Ташкентом ехали недолго,
Звякнул цепью и залаял пес,
Стукнула по дереву щеколда,
Женщина спросила: «Что привез?»
«Хáла*****, ты не лезь в мужское дело,
Дай одежду, чтонибудь поесть.

*Чор-Су — дехканский базар в Ташкенте.

** Вилоят — административно-территориальная единица Узбекистана.

*** Мирзачульская дыня — выращивается в Сырдарьинском вилояте Узбекистана, отличается чрезвычайной сладостью и ароматом.

**** Самса, манты, нарын — блюда узбекской кухни.

***** Хáла — женское имя, в переводе с узбекского — сияние.

Пусть халатом он прикроет тело,
На себе оставит только крест».
Все забрали — сапоги, одежду.
Здесь меня, наверно, не найти.
Но в кресте оставили надежду:
Мне поможет вера на пути.
В яму опустили, что в сарае,
Крыша — это толстая доска.
В небо я взгляну теперь едва ли,
Вместо страха — липкая тоска.
Ночь пришла, и в голову полезло...
Юность, мама, степи, Аксуек* .
А безделье нам порой полезно,
Жизнь умерит бесконечный бег.
Годы разложить и разобрать,
Глянуть на забытые мечты,
И в тоске не утонуть бы, братцы,
Верить, не порушатся мосты.
День ползет, а месяц пролетает.
Что со мной — никто не говорит.
Лишь надежды у меня не тают,
Тает тело, ноет и болит.
Скудное тряпье мое ветшает:
Грустный персонаж для драм.
Но однажды утром я решаю,
Требую причастия и храм.
Жалуюсь, что чувствую усталость,
Скоро смерть, наверно, придет.
Надо мне от вас такую малость —
Божий покажите небосвод.
«Церкви для тебя не сколотили,
Только правоверная мечеть».
«Жизнь мою вы на кон положили,
Пусть Аллах не даст мне умереть».
Улицы Ташкента оживали:
Криком обозначен минарет.
Доски надо мною открывали,
Божий я увидел снова свет.
Лестницей веревочной поднялся,
Свежею умылся я водой,
Луч надежды все-таки остался,
Так его лелеял под землей!
Улицей с усиленным конвоем,
Глаз не поднимая от земли,
Трое впереди и сзади трое,
С крестиком в мечеть и завели.
Шепотом во мне слова молитвы,
Вижу, сбоку подошел имам,

* Аксуек — поселок в Джамбульской области Казахстана.

Острые глаза его, как бритвы:
«Знаешь ли, неверный, ты ислам?»
«Знаю и суру и Магомета,
Что-то по-узбекски говорю,
Только не добился я ответа,
Где найти дорогу к алтарю?
Разве ваш Аллах меня оставит?
Примет ли он искренность мою?
Коль не мусульманин его славит,
Место не найдет ему в раю?»
«С Богом, офицер, ты помолился,
Мирно из мечети уходи,
Твой хозяин чтоб не обозлился,
Скажешь от меня: «Имама жди».
Пятый раз молитва отзвучала.
Шепотом шуршало по углам.
Тихо, но надеждою звучало:
«Все-таки поможет мне имам».
Плов горой оранжевой на блюде,
Тошно от хозяйского куска:
«День наступит, утро еще будет?» —
Мысль летит, как пуля у виска.
«Ты бывал с оружием за речкой?
«Больно!» — говорил тебе душман?»
«Он молчал, а говорил мой «Стечкин» * ,
В той земле я кровь пролил от ран».
Кончились совсем его вопросы,
Стал узбекам что-то говорить.
Понял, что хозяина он просит,
Все же офицера отпустить.
Все почетны на Востоке гости,
Но имам — первейший из гостей,
«Нет!» — сказать, когда его попросит,
Вряд ли сможет даже и злодей.
Вот луна над минаретом встала
Все устали и пора домой,
Голос у имама крепче стали:
«Этот офицер пойдет со мной!
Нам Аллах оказывает милость,
Ведь ислам — покорность и покой,
Пусть и он узнает справедливость!»
Бог или Аллах вершат судьбой?
Веры разной существуют люди,
Будды, Магомета и Христа,
Каждому своя опора будет,
Если в это веришь до конца.
Армию не бросил, без сомненья,
Ведь моя не кончилась война,

* «Стечкин» — автоматический пистолет Стечкина АПС. Личное оружие офицеров, действующих в зоне активных боевых действий.

Служба Богу стала озареньем,
Как источник радости полна.
Многое прошел в «горячих точках»,
Ранен не единожды в боях,
Каждый день, порою даже ночью,
Вера в Бога — помощью в делах».

.....

Утром продолженьем разговора,
Волга открывала монастырь,
Била колоколен, словно хором,
Пели «Аллилуйя!» во всю ширь.
Мы тепло расстались на причале,
Руку на прощанье он пожал.
Чайки над волною закричали,
След в душе оставил генерал.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ОТ ДАГЕСТАНА ДО ЕГИПТА

ДАГЕСТАН

Где горы переходят в море,
где люди крепче, чем скала,
орлом парящим на просторе
раскинулась Махачкала!

Гостеприимством привечая
друзей из разнодальных стран,
всегда находит рюмку чая
благословенный Дагестан!

Здесь никого не удавалось
многоязычьем удивить.
Людские судьбы завязала
в единый узел жизни нить!

Кумыки, лакцы и аварцы,
азербайджанцы и рутульцы,
даргинцы и табасаранцы,
лезгины, таты и цахурцы.

Здесь беспокойный Минкаилов —
мой старый друг и старший брат,
пульмонологии светило —
всегда гостям заезжим рад.

Здесь Чамсутдинов сед и строен
предложит вкусный калмык-чай,
своей фамилии достоин —
проректорствует Кубатай.

Между предгорьями и взморьем
стирает грани Дагестан!
Здесь на вопрос в извечном споре —
ответ неповторимый дан!

Багаж искали, а затем —
его в Суэце откопали.
Питались вкусно, а затем —
по капле виски выпивали.

Снимали фото, а затем —
пришла прощальная суббота.
Хургада в прошлом, а затем —
опять урчанье самолета.

МИНКАИЛОВУ

Нет! Каспий обмельчать не может,
могучим Терек полнясь!
Страна не измельчает тоже,
пока крепка народов связь!

А раньше по-другому снег скрипел!
Была иною доброта людская.
Не напоказ среди насущных дел,
а сущностью душа была такая!

Снег падал тихо, и мороз крепчал,
но ветра жгучесть нас — не обжигала!
Никто в истошной злобе не кричал,
кривя эфир в лучах телеканала!

Свежо и звонко тикали сердца.
Глаза открыто в день другой глядели.
Не думалось о близости конца
в чреде забот о достиженье цели.

Была надежда в помыслах чиста.
И государство тоже все же было.
Пусть идея не была проста,
но будущность людей объединила!

Когда страны разрушился каркас,
мы помним точно, сути лишь не знаем:
за что Россия разделила нас
на всех простых, и тех, кто невменяем!

На силы свыше стали уповать —
молясь, крестясь, иль делая намазы,
чтобы самих себя не потерять,
бездумно претворяя в жизнь указы!

А кто-то сеет розни семена!
А кто-то от нее — навар имеет!
Растет непонимания стена,
и ропот недовольства бурно зреет.

Что раньше по-другому снег скрипел —
определяет внутреннее ухо!
Но не такой уж скорбный наш удел,
поскольку в мыслях не царит разруха!

Сравнив неповторимость прошлых лет
с пороками теперешнего быта,
мы в дне грядущем ищем правды свет,
покуда чаша жизни не испита!

Мы сами виноваты в том, что есть!
И нужно детям — солнца дать лучистость!
Тогда нам будет и хвала, и честь.
Снег обретет пушистость, белость, чистость!

Для внуков будет также снег скрипеть,
как и для нас сегодня, по-другому!
Им звонче суждено и чище петь,
храня пути к родительскому дому!

Да! Раньше по-другому снег скрипел...
И мы тогда другими тоже были...
Коль завтра прекратится беспредел,
то правнукам — о нас расскажут были!

Такие, Минкайлов, времена!
С тобой их понимаем, словно братья...
Кавказ — многоязыкая страна —
нас заключил в кремнистые объятия!

НА ПАПЕРТЯХ

На папертях храмов науки
российских ученых — не счесть!
Вздываются к Господу руки
в надежде, что истина — есть.

На папертях храмов здоровья —
круженье российских врачей
по омутам сверхпустословья
ЕдРонащпроектных речей.

На папертях храмов искусства
тусуется звездная голь.
Их шоу — фальшивые чувства,
наркотики и алкоголь.

На папертях бизнес-безверья
толчется чиновничья рать,
откатов прося безразмерье
и то, что им нужно урвать.

Вот так и стоят Христа ради,
стена, надеясь и ждя,
на папертях в вечное глядя —
из манны небесной дождя.

* * *

Не Он крестил! Его крестили!
И этим славен Иордан!
С небес слова — навек застыли.
Крестил — Предтеча Иоанн.
Богоявление случилось:
Отец и Сын, и Дух Святой!
Все это в праздник воплотилось,
целебной вспырынутый водой.
Пускай крещенские морозы
дадут здоровье грешным нам!
За счастье жить сквозь смех и слезы
сегодня выпьем по сто грамм!

ЯНВАРСКОЕ

Друзья неизбежно стремятся в столицу...
Быть может, надежнее там и теплей!
Оттуда на дно потруднее свалиться...
Но, правда, оттуда оно и видней...
Для дел беспросветия — станешь нужней,
а прошлым своим — продолжаешь гордиться...
И, вроде, поймалась столица-синица,
но в небе — журавль! Через год — юбилей...
*Придумка людская — справлять юбилей
для нужд гастрономии и бакалеи.*

Есть время подумать, осмыслить, проверить,
найти тот единственный правильный путь,
ведущий к Гармонии сказочной двери.
Но, чтобы с друзьями он был, хоть чуть-чуть...
Так хочется прошлую радость вернуть —
на новом витке и взаимодоверье,
когда набирается силой поверье,
что можно в грядущие дни заглянуть!
*Но, даже имея питейный подряд,
не хватит хмельного, чтоб глянуть назад!*

Спиралятся годы в конечном круженье,
растет поколение новых забот,
но жесткости ребра — всегда в напряженьи
и держат нагрузку который уж год!
Летит над Землею судьбы самолет,
собой изменяя земное вращенье!

На небе вершится времен сопряженье
в любую секунду, минуту и год!

*Поднимем бокалы за то, что имеем!
За то, что от выпитых чаш — не хмелеем!*

*Придумка людская — справлять юбилеи
для нужд гастрономии и бакалеи.
Но, даже имея питейный подряд,
не хватит хмельного, чтоб глянуть назад!
Поднимем бокалы за то, что имеем!
За то, что от выпитых чаш — не хмелеем!*

